

Шинель — эпизод 5 из 15

Петрович взял капот, разложил его сначала на стол, рассматривал долго, покачал головою и полез рукою на окно за круглой табакеркой с портретом какого-то генерала, какого именно, неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четвероугольным лоскуточком бумажки. Понюхав табаку, Петрович растопырил капот на руках и рассмотрел его против света и опять покачал головою. Потом обратил его подкладкой вверх и вновь покачал, вновь снял крышку с генералом, заклеенным бумажкой, и, натащивши в нос табаку, закрыл, спрятал табакерку и наконец сказал:

Нет, нельзя поправить: худой гардероб!

У Акакия Акакиевича при этих словах екнуло сердце.

Отчего же нельзя, Петрович? сказал он почти умоляющим голосом ребенка, ведь только всего что на плечах поистерлось, ведь у тебя есть же какие-нибудь кусочки...

Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся, сказал Петрович, да нашить-то нельзя: дело совсем гнилое, тронешь иглой а вот уж оно и ползет.

Пусть ползет, а ты тотчас заплаточку.

Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не за что, поддержка больно велика. Только слава что сукно, а подуй ветер, так разлетится.

Ну, да уж прикрепи. Как же этак, право, того!..

Нет, сказал Петрович решительно, ничего нельзя сделать. Дело совсем плохое. Уж вы лучше, как придет зимнее холодное время, наделайте из нее себе онучек, потому что чулок не греет. Это немцы выдумали, чтобы побольше себе денег забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев); а шинель уж, видно, вам придется новую делать.

При слове новую у Акакия Акакиевича затуманило в глазах, и все, что ни было в комнате, так и пошло пред ним путаться. Он видел ясно одного только генерала с заклеенным бумажкой лицом, находившегося на крышке Петровичевой табакерки.

Как же новую? сказал он, все еще как будто находясь во сне, ведь у меня и денег на это нет.

Да, новую, сказал с варварским спокойствием Петрович.

Ну, а если бы пришлось новую, как бы она того...

То есть что будет стоить?

Да.

Да три полсотни с лишком надо будет приложить, сказал Петрович и сжал

при этом значительно губы. Он очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь озадачить совершенно и потом поглядеть искоса, какую озадаченный сделает рожу после таких слов.

Полтора ста рублей за шинель! вскрикнул бедный Акакий Акакиевич, вскрикнул, может быть, в первый раз от роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

Да-с, сказал Петрович, да еще какова шинель. Если положить на воротник куницу да пустить капишон на шелковой подкладке, так и в двести войдет. Петрович, пожалуйста, говорил Акакий Акакиевич умоляющим голосом, не слыша и не стараясь слышать сказанных Петровичем слов и всех его эффектов, как-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила. Да нет, это выйдет: и работу убивать и деньги попусту тратить, сказал Петрович, и Акакий Акакиевич после таких слов вышел совершенно уничтоженный.

А Петрович по уходе его долго еще стоял, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволен, что и себя не уронил, да и портного искусства тоже не выдал.

Вышед на улицу, Акакий Акакиевич был как во сне. Этаково-то дело это такое, говорил он сам себе, я, право, и не думал, чтобы оно вышло того... а потом, после некоторого молчания, прибавил: Так вот как! наконец вот что вышло, а я, право, совсем и предполагать не мог, чтобы оно было этак. Засим последовало опять долгое молчание, после которого он произнес: Так этак-то! вот какое уж, точно, никак неожиданное, того... этого бы никак... это такое-то обстоятельство! Сказавши это, он, вместо того чтобы идти домой, пошел совершенно в противную сторону, сам того не подозревая. Дорогою задел его всем нечистым своим боком трубочист и вычернил все плечо ему; целая шапка извести высыпалась на него с верхушки строившегося дома. Он ничего этого не заметил, и потом уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивал из рожка на мозолистый кулак табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочник сказал: Чего лезешь в самое рыло, разве нет тебе трухтуара? Это заставило его оглянуться и поворотить домой.